

Редупликация в русском языке: формы и функции

Эпоху, в которую мы живем, как известно, принято называть эпохой глобализации. Иными словами, эпохой, когда процесс экономической, политической, социальной, а также культурной интеграции и унификации можно наблюдать практически повсеместно. Вероятно, именно поэтому вопросы межкультурной коммуникации являются на сегодняшний день одними из наиболее актуальных.

На службе у их решения стоит целый ряд научных дисциплин: это и культурология, и социология, и политология, и психология, и, наконец, лингвистика. Особое внимание этим проблемам уделяется теми областями лингвистической науки, которые занимаются прикладным описанием языков с целью их преподавания инофону, а также лингводидактикой, так как в этих случаях вопрос о столкновении двух культур, получивших свое отражение в системах языков, двух языковых картин мира, является чрезвычайно важным. Поэтому сказанное относится и к ряду теоретических и практических дисциплин, которые традиционно называются «Русский язык как иностранный» [3, с. 5].

В рамках этой дисциплины решаются вопросы как адекватного описания языка, так и его преподавания. При этом особенности межкультурной коммуникации учитываются в обоих случаях. Так, при описании языка как системы особое внимание уделяется тем её участкам, которые могут представлять особую трудность для иностранных учащихся. При преподавании же выбирается наиболее эффективный подход, манера общения, способ подачи материала, которые не будут одинаковы для разных национальностей в силу культурных и психологических особенностей их представителей.

Ядром лингводидактической модели языка является функционально-коммуникативная грамматика (далее — ФКГ), предназначенная для обучения русскому языку нерусских. ФКГ опирается на достижения формально-описательной грамматики, однако во многом и противопоставлена ей. В компетенцию ФКГ входит более широкий круг лингвистических явлений, поскольку практика преподавания русского языка как иностранного требовала обра-

щения исследователей и к тем областям языка, которые традиционно считались периферийными [4, с. 72].

Функционально-коммуникативная грамматика как «грамматика речи» находится в процессе активного становления. Развиваться ей помогает практика преподавания русского языка как иностранного. Поэтому часто бывает так, что увидеть что-то новое в языке помогают именно замечания и вопросы со стороны представителей других культур. Указанное ими оказывается совершенно неисследованным и представляет собой абсолютную лакуну в рамках теории русского языка. Одной из таких «находок» оказалось явление русской редупликации.

Редупликацией (от латинского слова *reduplication* — ‘повтор’) называют широкий круг лингвистических явлений, которые в целом характеризуются повторением, чаще — удвоением, какой-либо единицы языка (фонемы, слога, морфемы, слова). Подобного рода повторы встречаются во многих языковых системах, что позволяет называть редупликацию универсальным явлением.

До настоящего времени изучение редупликации преимущественно базировалось на материале дальнеродственных языков. Сравнительно подробно изучена редупликация в ряде африканских языков, в языках Юго-Восточной Азии, в некоторой степени — в европейских языках. Редупликация в русском языке, как правило, считается периферийным явлением. Ей уделяется всего пара страниц в общих трудах — приводится лишь дефиниция и несколько примеров.

Однако в нашей живой речи, как устной, так и письменной, редупликация представлена крайне широко, например: *эле-эле, чуть-чуть, едва-едва, очень-очень* и т.д. Более того, по нашим наблюдениям, роль данного явления в современном языке только увеличивается. В результате редупликации возникают словоформы, которые раньше трудно было себе представить: *мужчина-мужчина, любовь-любовь* и пр. Приведённые в качестве примера редупликаты были встречены в следующих предложениях-высказываниях. *Алексей прям **мужчина-мужчина**: и к женщинам уважительно относится, и поможет всегда, и дверь придержит. Они всё время вместе проводят, за ручку гуляют, фотографии красивые выкладывают — прям **любовь-любовь**.*

Частое употребление редупликации в русской речи не остаётся незамеченным и иностранными учащимися. Так, на занятиях

РКИ с корейскими учащимися, приехавшими в Россию в качестве руководителей международной компании, нередко были замечания о том, что от своих подчиненных они часто слышат повторы *да-да, сейчас-сейчас, конечно-конечно* как ответные реплики на просьбу выполнить то или иное поручение, но никогда не *да, сейчас, конечно*. Поэтому всё чаще со стороны иноязычной аудитории возникают вопросы: что значит удвоенное слово и когда его употреблять? Поиск ответа на них породил интерес к изучению русской редупликации как языкового механизма, а спрос учащихся на данное явление заставил обратиться к поиску способов его презентации.

Редупликация в русском языке представлена двумя основными формами: синонимической и формальной. Синонимическая редупликация заключается в повторе смысла слова при разной форме его выражения (*жили-были, любо-дорого*) и встречается преимущественно в фольклорных произведениях или в текстах с элементами фольклорной стилизации. Формальная редупликация представляет собой повтор как содержания, так и формы (*много-много, добрый-предобрый*) и употребляется как в устной, так и в письменной речи ежедневного общения. В данном докладе мы будем преимущественно обращаться к формальной редупликации как наиболее значимой в коммуникативном аспекте.

Одной из наиболее распространённых функций русской редупликации является образование новых слов. Это признавалось и признаётся многими исследователями, однако семантика полученных в ходе редупликации единиц по сравнению с их исходным вариантом описывалась, как правило, в довольно общих чертах и чаще всего получала толкование, которое можно свести к следующему: увеличение степени признака предмета или действия.

Традиционно считается, что редупликат может быть заменён соответствующей неударенной единицей с наречием степени типа *очень* (*большой-большой = очень большой, быстро-быстро = очень быстро, высоко-высоко = очень высоко*). Это, безусловно, является верным, но не единственным ответом на вопрос о семантике редупликата (то есть единицы, являющейся результатом редупликации) по сравнению с редупликантом (исходной единицей). Во-первых, на это указывает возможность удвоения слов, не выражающих какой-либо признак вообще (*девочка, кофе*) и, соответственно, не имеющих значения усиления при их повторе

(девочка-девочка, кофе-кофе). Во-вторых, существует целый ряд примеров, в которых о степени признака говорить не приходится, однако возможность редупликации есть. Ср.: *Он едва дышал.— Он едва-едва дышал.*— Но не отмечено: *Он очень едва дышал; Он только пришёл.— Он только-только пришёл.*— Но не отмечено: *Он очень только пришёл.* В данных примерах редупликат не может быть заменён соответствующей исходной единицей с наречием очень в силу неграмматичности высказывания, а значит, и употреблён он не для интенсификации признака. Здесь речь идёт скорее о том, что подразумевается именно то, что говорится, а не что-то похожее на это. Ср.: *Он едва-едва дышал.— Он действительно, без преувеличений едва дышал; Он только-только пришёл.— Он действительно только пришёл.* То же значение можно наблюдать в следующих примерах. *А вот это уже кофе-кофе! (Это настоящий кофе!); В деревне продают молоко-молоко, не то что в городских магазинах! (В деревне продают настоящее молоко, а в городах — нет).* При этом высказывание чаще всего интонационно оформляется как ИК-2, а слово-редупликат содержит интонационный центр.

Кроме того, во многих случаях редупликатами может выражаться идея подобия. Ср.: *В этом костюме он прям француз-француз! (В этом костюме он похож на настоящего француза); Наш Димка певец-распевец! (Наш Димка поет хорошо, как настоящий певец, но при этом не занимается этим профессионально.); Ты с детьми так хорошо играешь, прям отец-отец. (Ты хорошо играешь с детьми, проявляя некоторые отцовские качества, но не будучи отцом).* При этом в большинстве случаев высказывание интонационно оформляется как ИК-5, а слово-редупликат содержит оба её интонационных центра.

В вопросительных предложениях те же редупликаты могут выражать идею истинности. Слово-редупликат при этом содержит интонационный центр ИК-5. *И что, / он прям француз-француз? (Он действительно француз по национальности?); Димка прям певец-певец? (Димка – профессиональный певец?); И что, / он прям твой отец-отец? (Он твой родной отец?).*

Применимо же к процессам редупликации, как правило, несёт идею длительности с оттенком безрезультатности. Ср.: *Работал-работал, руки всегда в мозолях, но все как сквозь пальцы просыпалось, исчезло. (Долго, много работал, но безрезультатно.); Где*

вам понять такие тонкости устава, **учишь-учишь** дураков. (Долго учишь, а понимание не приходит). **Смотрел-смотрел** на глобус, да так и не выбрал. (Долго смотрел, но не выбрал, не купил.)¹

Таким образом, для определения семантики редупликата можно предложить следующую формулу. Редупликация может выражать в широком смысле идею количества и идею неколичества. Идея количества для качеств, которым свойственна градуальность, реализуется как идея степени признака предмета или действия, для процессов — как длительность с оттенком безрезультатности. Идея неколичества заключается в идее подобия или истинности, которая реализуется в признаках, которым не свойственна градуальность, и в предметах. Обобщим сказанное в схеме (см. схему 1).

Схема 1. Система семантики русской редупликации

Данные замечания могут оказаться полезными как для теории русского языка, так и для практики его преподавания, формируя основу для создания комплекса упражнений и заданий, направленных на знакомство с русской редупликацией инофонов.

Литература

1. Брызгунова, Е. А. Звуки и интонация русской речи / Е. А. Брызгунова. — М., 1977.

¹Обозначение интонационного оформления высказываний произведено в соответствии с концепцией Е. А. Брызгуновой [1].

2. Всеволодова, М. В. Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка / М. В. Всеволодова // Языковая системность при коммуникативном обучении. — М., 1988.

3. Гудков, Д. Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ / Д. Б. Гудков. — М., 2000.

4. Панков, Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира / Ф. И. Панков // Мир русского слова. — 2013. — № 2. — С. 72–80.

Д. О. Половцев

Минск, Белорусский государственный университет

Вильнюс в «Сказках старого Вильнюса» Макса Фрая¹

«Сказки старого Вильнюса» (далее — «Сказки...») Макса Фрая (известно, что под настоящим псевдонимом «кроется» Светлана Мартынчик, живущая в настоящее время в городе Вильнюсе) — фантастические рассказы, представленные — до сих пор² — в трех томах [1–3], изданные в 2014 г. Вот что в аннотации про них пишет сам автор: «В центре города Вильнюса ровно сто восемь улиц. И если ходить по ним достаточно долго, то есть почти каждый день на протяжении нескольких лет, на некоторых улицах можно стать свидетелем удивительных историй. А на некоторых — даже их участником. В подобных случаях, я знаю, обычно говорят — дескать, такие истории могли, конечно же, произойти где угодно. Но мы этого утверждать не станем — зачем же людей обманывать? Нет уж, эти истории могли случиться **только у нас в Вильнюсе**. И только гуляя по улицам здешнего Старого города, можно было их сперва услышать, а потом записать (выделено нами. — *Д. П.*)» [1, с. 4].

Первый том состоит из двадцати четырех историй, во второй том, как и в третий, вошла двадцать одна. Отметим, что название каждой истории-сказки имеет особенности: оно состоит из назва-

¹ Настоящая работа выполнена в рамках стажировки автора в Литовском педагогическом университете (Lithuanian University of Educational Sciences) по гранту на проведение научного исследования от образовательного фонда Education Exchanges Support Foundation (октябрь — декабрь 2014 г.).

² По этому поводу в аннотации к третьему тому автор указывает, что «это уже третий том “Сказок старого Вильнюса”. И много еще впереди» [3, с. 4].